

УДК 94(47).082

UDC

DOI: 10.17223/18572685/69/5

Русинский вопрос в зеркале русских консервативных журналов (1890–1894 гг.)*

М.В. Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена восприятию русинского вопроса в Галиции, Буковине и Закарпатье российскими консервативными журналами на протяжении пятилетнего периода 1890–1894 гг., границы которого определяются заметными политическими изменениями в Австро-Венгрии, России и Германии. Подробно рассмотрена история изучения русинского вопроса в последней трети XIX в. в свете исследований общественного мнения в Российской империи. Продемонстрирована недостаточная изученность отражения русинской темы в общественном сознании России 1890-х гг. Рассмотрена позиция «Русского вестника» Ф.Н. Берга по русинскому вопросу на примере статей С.С. Татищева, который рассматривал вопрос об освобождении Галиции от австрийского господства в отвлеченной плоскости. Основное внимание уделено эволюции позиций «Русского обозрения». Данный консервативный журнал нового типа под руководством князя Д.Н. Цертелева скептически относился к идее помощи зарубежным славянам и избегал обширных комментариев о русинах. При новой редакции А.А. Александрова ключевую роль в «Русском обозрении» стал играть панславист С.Ф. Шарапов, симпатии которого к полякам и венграм не помешали ему ставить вопрос об освобождении русинов. В результате новой редакционной политики в 1893–1894 гг. в журнале были опубликованы важные материалы по истории и текущей политической и церковной ситуации в Галиции, Буковине и Закарпатье, рассмотрена проблема переселения русинов в Российскую империю и деятельность

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006>.

И.Г.Наумовича и А.И.Добрянского. Сделан вывод о недостаточном внимании русских консервативных журналов к русинскому вопросу и осознании его стратегического значения.

Ключевые слова: «Русское обозрение», «Русский вестник», русский консерватизм, позднее славянофильство, русины, Галиция, Буковина, Закарпатье, Иоанн Наумович.

The Rusin question in Russian conservative journals (1890–1894)*

Maxim V. Medovarov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Abstract

The article focuses on how Russian conservative journals in 1890–1894 discussed the Rusin question in Galicia, Bukovina, and Transcarpathia in connection with some noticeable political changes in Austria-Hungary, Russia, and Germany. Drawing on the research of public opinion in the Russian Empire, the author analyses the study of the Rusin question in the last third of the 19th century and argues that little is known about the reflection of the Rusin question in the Russian public consciousness in the 1890s. He analyses the stance of Fedor Berg's *Russky Vestnik* on the Rusin question based on the example of Sergei Tatishchev's articles. Tatishchev considered the liberation of Galicia from Austrian domination in theory. The main attention is paid to the evolution of the *Russkoe obozrenie* – this new type of a conservative journal under Prince Dmitry Tsertelev was skeptical about helping foreign Slavs and avoided extensive comments about Rusins. In the new editorial board headed by Alexander Alexandrov, the key role belonged to the pan-Slavist Sergei Sharapov, whose sympathies for the Poles and Hungarians did not prevent him from raising the question of the Rusin liberation. The new editorial policy in 1893–1894 allowed publishing important materials on the history and current political and ecclesiastical situation in Galicia, Bukovina, and Transcarpathia. The journalists discussed the resettlement of Rusins in the Russian

---

* The research was supported by the RSF, Project 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006>.

Empire and the activities of Ivan Naumovich and Adolf Dobryansky. The author concludes that Russian conservative journals did not pay enough attention to the Rusin question and its strategic importance.

Keywords: *Russkoe Obozrenie, Russky Vestnik*, Russian conservatism, late Slavophilism, Rusins, Galicia, Bukovina, Transcarpathia, Ivan Naumovich

История изучения восприятия в России событий в жизни австро-венгерских русинов последней трети XIX в. небогата. Как правило, исследователи русинского вопроса уделяли основное внимание периоду начала XX в. [7; 24], а не предыдущему этапу. В крупной монографии по истории русинов К.В. Шевченко уделено менее 20 страниц обсуждению положения Галичины и Закарпатья в последней трети XIX в. [41: 77–96], при этом тема отношения российского общества к русинским проблемам затронута не была. Некоторые авторы ограничивались общими замечаниями о положении подкарпатских русинов в Австро-Венгрии, несправедливо противопоставляя их «украинцам-галичанам» [3: 206], в то время как до конца XIX в. говорить об «украинстве» галицких русинов было бы анахронизмом. Статья М.Л. Ивашкина специально посвящена истории борьбы галицких русинов с поляками и австрийскими властями с 1867 по 1914 г., рассматривает становление украинофильского и москвофильского течений, однако совершенно не касается вопроса о восприятии в России происходивших в Восточной Галиции событий [8]. Как отмечает автор, история русинов «не имеет прочной традиции в отечественной науке» [8: 68].

Следует признать малочисленность работ по восприятию внешнеполитических вопросов российским общественным мнением, особенно прессой. Этой проблемой применительно к славянскому вопросу занимались И. Колейка [10], В.А. Дьяков [5], В.М. Хевролина [33–35]. Однако исследованием общественного мнения в России по поводу австро-венгерских русинов ни историки дипломатии и международных отношений, ни историки общественной мысли практически не занимались. Все работы в этой сфере (А.В. Игнатъев, А.С. Аветян, И.В. Бестужев, В.С. Дякин, И.Е. Воронкова, В.А. Кустов), в том числе специально касающиеся галицко-русского вопроса (А.А. Чемакин), рассматривают лишь период начала XX в. Историки русского панславизма конца XIX в. Д.П. Золотарёв и А.А. Поповкин также не останавливались специально на месте русинского вопроса в учении поздних славянофилов [6; 22].

На этом фоне выделяется статья А.И. Миллера. В основном посвященная истории противоборства между галицкими поляками и

русинами и австрийским центром в Вене, она вскользь затрагивает роль России в этой схватке: Миллер упоминает, что в 1868 г. под давлением Петербурга император Франц-Иосиф не осмелился поехать в Галицию [15: 68–69]. Историк также утверждает, что с 1867 г. якобы «Россия активно вела» панславистскую пропаганду в Австро-Венгрии, хотя в действительности ее вели на свой страх и риск русские панслависты, а никак не российское государство или Министерство иностранных дел.

В монографии Н.М. Пашаевой об истории галицких русинов под властью Австро-Венгрии связям с российской общественностью уделено всего несколько страниц. Акцент сделан на вкладе А.С. Будиловича и славянских благотворительных обществ Петербурга, Москвы, Киева в поддержке львовских лидеров русинов в 1890-е гг., на частых публикациях на галицкую тему в органах печати поздних славянофилов [19: 110], их трактовки русинов как особой части русского народа [19: 111]. Н.М. Пашаева отмечает негативную роль российских либеральных журналов в освещении событий в Галиции с антироссийских, украинофильских позиций («Вестник Европы», А.Н. Пыпин, К. Арабажев, М.П. Драгоманов). «Русские правительственные круги не разорялись на постоянную поддержку своих русских соотечественников за рубежом», – констатирует историк [19: 111–112]. Исключениями она считает пожертвования русинским лидерам со стороны таких русских консерваторов, как В.А. Черкасский и К.П. Победоносцев. Обер-прокурор Синода отмечал «отчаянный вопль русского населения в Галиции о безысходном положении их в борьбе с польским правительством, которому предала их Австрия» [19: 116]. Именно благодаря Победоносцеву император Александр III обеспокоился судьбами галицких русинов и в 1885 г. наложил резолюцию: «Чрезвычайно больно и грустно... Авось даст Бог и нам, и им светлый день когда-нибудь» [19: 116].

Монография М.Э. Клоповой наиболее подробно рассматривает движения русинов Восточной Галиции (эпизодически также Буковины) в период 1898–1914 гг., но всё же уделяет некоторое внимание и предыдущему этапу. В исследовании затрагивается деятельность И.Г. Наумовича, процесс Ольги Грабарь 1882 г. и начало австрийских репрессий против русинского движения [9: 46–54]. М.Э. Клопова солидаризируется с мнением А.И. Миллера о полной пассивности официального Петербурга относительно судьбы русинов и проигрышности данной позиции. Однако с точки зрения М.Э. Клоповой, украинофильское движение в Галиции было слабым и маргинальным до тех пор, пока в 1890 г. под давлением австрийского наместника Бадени не было заключено соглашение с украинскими «народов-

цами». Эту дату и следует считать поворотной в истории Галиции [9: 62]. Следующим этапом стало утверждение М.С. Грушевского на должность профессора во Львовском университете в 1894 г., совпавшее по времени, однако, с разрывом польско-украинского соглашения и неудачной попыткой консолидации украинофильских и русофильских русинов [9: 64–66].

Мнения русских консерваторов о русинском вопросе выборочно представлены в новой статье Д.И. Стогова [23]. Однако он приводит примеры 1880-х и 1900-х гг., но не 1890-х гг., а также делает акцент на высказываниях крупнейших мыслителей, а не рядовых обозревателей периодической печати. В.Б. Колмаков [11], напротив, рассмотрел галицкий вопрос в русской периодике, но за период 1900-х гг.

Статья М.А. Шульги специально посвящена интересующему нас вопросу [42]. Рассматривая Карпаты как важнейшую пограничную лимитрофную зону между Россией-Евразией и Европой, как область борьбы русской и квазиевропейской идентичностей, автор через эту призму анализирует учение крупнейшего русского геополитика и ученого-слависта второй половины XIX в. В.И. Ламанского. Ламанский, как известно, проделал долгую идейную эволюцию [14], к 1892 г. закончив разработку учения о нескольких культурных мирах и постаравшись определить статус Восточной Европы как буферной зоны греко-славянского мира на его границах с романо-германским [21]. Эти земли, по мысли ученого, вместе с Россией образуют «Средний мир». Отличительная особенность Ламанского заключалась в его необычайной прозорливости и точности его прогнозов на XX в., предусматривавших англоамериканскую гегемонию в мире и резкое обострение военной борьбы за восточноевропейские лимитрофы вдоль границ России. От исхода культурной, языковой, идейной борьбы за умы и идентичность восточноевропейского пояса народов, считал Ламанский, зависит будущее всей России как самостоятельной силы [42: 20–21].

Поэтому В.И. Ламанский настаивал на присоединении русинов Галичины и Карпат к Российской империи в силу их автохтонности и изначально русской идентичности. В плане тактики он предпочитал делать упор на «мягкую силу» (распространение русского языка и книжности в данном регионе, обучение русинских студентов в университетах России). На этом пути Ламанскому пришлось столкнуться с глухотой российского общества, его непониманием важности поддержки русинов [42: 22]. Это было характерно для российских либералов и социалистов, но и среди консерваторов, как мы увидим, далеко не все столь же ясно осознавали значимость русинского вопроса для Российской империи.

Таким образом, следует обратиться к русской периодической печати, прежде всего журналам, чтобы выяснить позицию российских консерваторов по русинскому вопросу и уровень уделявшегося ему внимания. Целью данного исследования является анализ освещения положения дел у русинов Австро-Венгрии русскими консервативными журналами.

Для анализа наиболее перспективны четыре издания разных оттенков. Во-первых, это «Русский вестник» (после смерти М.Н. Каткова находившийся под редакцией Ф.Н. Берга в кризисном состоянии и оскудевший идейно). Во-вторых, «Русское обозрение» – основанный в 1890 г. журнал нового типа, под редакцией Д.Н. Цертелева ставший широкой площадкой для выражения и столкновения различных мнений и течений в русском правом лагере, а после 1892 г. под редакцией Н.М. Боборыкина и затем А.А. Александрова претерпевший небольшую эволюцию в сторону более строгого дворянского и церковного консерватизма. В-третьих, речь идет об официальном органе поздних славянофилов, который в 1890–1891 гг. представлял собой еженедельник «Славянские известия», а в 1892 г. был сменен «Славянским обозрением» А.С. Будиловича, последний раз изданным в виде альманаха в 1894 г. В-четвертых, отдельного упоминания заслуживает радикально левое крыло панславистов и его орган «Благовест», по сути отколовшийся от более правых «Славянских известий».

Ввиду ограниченного объема статьи в данной работе будет представлен анализ первых двух журналов, осторожно относившихся к панславизму. Русинский вопрос на страницах «Славянских известий»/«Славянского обозрения» и «Благовеста» будет рассмотрен позднее в другой работе.

Выбор хронологических рамок для анализа в рамках данной работы – с 1890 по 1894 г. – обусловлен рядом политических событий. В 1890 г. произошла отставка германского канцлера О. фон Бисмарка и венгерского премьер-министра К. Тисы, резко обострились международные противоречия в Австрии, в том числе «украинский вопрос» в Галиции. Тогда же появились «Русское обозрение» и «Славянские известия». На рубеже 1894–1895 гг. произошли такие события, как смерть Александра III и российского министра иностранных дел Н.К. Гирса, отставка германского канцлера Л. фон Каприви, австрийского министра-президента А. фон Виндишгреца, венгерского премьер-министра Ш. Векерле и австро-венгерского министра иностранных дел Г. Кальноки. Таким образом, выбранный промежуток времени является относительно целостным периодом, позволяющим судить о позиции русской консервативной печати и общественного мнения

по русинскому вопросу на фоне эпохальных кадровых перестановок в Австро-Венгрии и поддерживавшей ее Германии.

В «Русском вестнике» материалов по русинской теме за пять лет не было вовсе, за исключением упоминаний в «Политическом обозрении» С.С. Татищева, который систематически вел агитацию за русско-французский союз против Германии и Австро-Венгрии, выступал с позиций православного панславизма и мечтал о захвате Константинополя. Львиную долю внимания Татищев уделял балканской политике Австро-Венгрии, однако в опубликованном в январе 1890 г. ретроспективном обозрении событий 1889 г. развернуто высказался о галицко-русской проблеме: «Между Дунайской монархией и нами существует другой повод к раздору, прямой и непосредственный: мы разумеем поведение венского двора в Галиции, обращенной им в очаг польских национальных козней и метаний. Мы не скажем пока ни слова о бедственном состоянии, в которое ввергнуто коренное русское население этого края, поработанное польскому меньшинству, но тем более будем настаивать на вызывающем по отношению к России характере заигрываний с поляками, возбуждении в них несбыточных надежде на восстановление Речи Посполитой под главенством австрийского дома» [28: 282].

Таким образом, для С.С. Татищева галицкий вопрос на тот момент существовал лишь как вопрос русско-польской борьбы, без малейшего намека на украинофильство: «Австро-Венгрия предоставляет польскому элементу полный простор в Галиции» [28: 282]. Правда, публицист тут же оговаривался насчет планов австрийской экспансии в сторону Днестра и Буга. По мнению Татищева, русская дипломатия должна предупредить Вену, что «неосторожное обращение с огнем в Галиции или на Балканском полуострове легко может зажечь пожар, который пожрет и сотрет с лица земли дряхлую и ветхую монархию Габсбургов. Внутреннее ее состояние таково, что достаточно одного толчка извне, чтобы вызвать полное ее разложение» [28: 283].

На протяжении 1891 г., когда Татищев несколько месяцев жил в Австрии, он делал акцент на балканской и польской политике Вены. Галицко-русинский вопрос был упомянут им лишь дважды, да и то вскользь. И в Австрии, и в Венгрии, напоминал читателям «Русского вестника» Татищев, «большинство населения составляют славяне, естественно тяготеющие к великой покровительнице славянского племени, единокровной России» [30: 379]. Поэтому славянская пресса Габсбургской империи поддерживала Россию, в то время как немецкая, венгерская, еврейская, польская пресса являлась крайне антироссийской. Говоря об идее австрийских славян о союзе Австрии с Россией, Татищев отмечал: «Поразительное единодушие, с которым

развивают эту мысль национальные органы во всех славянских землях Дунайской монархии, чехи и хорваты, словаки и словинцы, русские Галича и сербы Баната. В таком обороте внешних дел надеются они притом обрести и улучшение собственного своего приниженного положения, действительное дарование им той равноправности с немцами и мадьярами, которая торжественно провозглашена в основных законах, но доселе оставалась и остается мертвою буквою» [28: 367].

Не выделяя тем самым галицких русских из общего списка славянских народов, Татищев скорбел о том, что немецко-венгерская пресса приписывает России «всякое проявление ропота и неудовольствия австрийских славян»: «Тяготение же их к единоплеменникам или единоверцам по ту сторону австро-мадьярского рубежа вменяется им в государственную измену. Жестоко преследуется всякая попытка их войти в более близкое общение с русскими людьми: изучение русского языка и словесности, сношения с нашими учеными или литературными деятелями, даже просто поездка в Россию» [28: 367]. Казалось бы, из этого должны следовать требования решительных мер по развалу Габсбургской монархии и воссоединению русинов с Россией. Однако вместо этого в апреле 1891 г. Татищев высказался против идеи раздела Австро-Венгрии между Россией и Германией, выразив нежелание ради Галиции рисковать стратегически: «Русский императорский двор не пойдет ни на какую сделку, в основание которой положены насилие и обман. На что ему распадение Австро-Венгрии? Возвращение древнего Галича не возместило бы нам приращения могущества Германской империи вследствие присоединения к ней немецких земель монархии Габсбургов» [29: 377–378]. Публицисту пришлось ограничиться общими словами о тяготении славян дуалистической монархии к «великой покровительнице» России [31: 379].

После этого галицкие проблемы вообще исчезли из «Русского вестника» до конца 1894 г., если не считать заметку анонимного рецензента на антироссийскую книгу австрийского депутата, галицкого поляка Йозефа Поповского. Обозреватель восклицал: «Следовало бы оглянуться на то, что ныне творится со славянами в Венгрии или с южно-россами в Галиции. Как хорошо живет славянам и как соблюдено уважение к дорогим для народа религиозным обрядам и языку, мы недавно видели из речей русских послов львовского сейма, изданных отдельной брошюрой. Уж не будет ли и г. Поповский утверждать, что отношения между его родичами и несчастными рутенами нормальные и вся беда лишь от каких-то московских рублей?» [16: 320–321] В этом пассаже примечательно употребление редкого слова «южно-россы» для определения галицких русин. К сожалению, в дальнейшем эта тема в «Русском вестнике» не получила развития. Причина, на наш взгляд, заключается в

том, что редакция Ф.Н. Берга с ее охранительскими взглядами, несмотря на свою неприязнь к Германии и Австро-Венгрии, не желала рисковать стабильностью Российской империи ради русинского вопроса.

В «Русском обозрении» – журнале с более широким и гибким идейным диапазоном – тон редакции по внешнеполитическим вопросам задавал В.А. Грингмут, регулярно нападавший на страницах журнала на славянофилов и панславистов. Первый редактор «Русского обозрения» князь Д.Н. Цертелев в целом разделял взгляды Грингмута, исходившие из абсолютного приоритета интересов России над желаниями зарубежных славян [12: 86–91]. Тем не менее отношение к Австро-Венгрии и Германии в журнале было враждебным, хотя в этой связи русинский вопрос упоминался нечасто. В цикле статей Грингмута «Текущие вопросы международной политики» он не затрагивался вовсе, а его упоминания в «Современной летописи», которую вел лично Цертелев, были единичны.

Впрочем, одним из авторов, иногда печатавшихся в «Русском обозрении», был А.А. Киреев – сторонник обмена Царства Польского на Галицию с ее присоединением к Российской империи и укреплением в ней православия [13: 231, 244, 248, 278]. 20 апреля 1890 г. он записал в дневнике: «Галицкие *польские* власти равнодушно смотрят на голод и нищету несчастных галицких русских мужиков, а помогают лишь тем из них, которые продают свои голоса за кусок хлеба детям» [17: 286–286 об.]. Но Кирееву в «Русском обозрении» на данную тему не позволяли высказываться. Поэтому за рассматриваемое пятилетие 1890–1894 гг. русинский вопрос поднимался в этом журнале крайне нерегулярно.

В первом номере «Русского обозрения» Цертелев, говоря об австрийской агрессии на Балканах, связывал ее с внутренней антиславянской политикой Вены: «Россия могла спокойно смотреть на происки австрийской дипломатии только до тех пор, пока им не были затронуты жизненные интересы русского народа, и для защиты этих интересов Россия не остановилась бы ни пред какою коалицией. Австро-Венгрия, обессиленная внутренней борьбою различных национальностей и подталкиваемая злым гением своим, мадьярами, надеялась возвратить себе силы распространением своего влияния на народы Балканского полуострова» [36: 376–377]. В марте 1890 г. Цертелев коснулся отставки венгерского премьер-министра К. Тисы, в самых черных красках описывая его 15-летнюю политику мадьяризации и жесточайшего угнетения всех народов Транслейтании. Русофобское и славянофобское влияние Тисы, по мнению обозревателя, чувствовалось и во внешней политике Австро-Венгрии, принявшей в 1880-е гг. крайне антирусский характер [37: 416–417].

Большое значение имело обозрение Цертелева в сентябре 1890 г., в котором он поразительно точно предсказал общие контуры будущей мировой войны, дав прогноз столкновения русско-итало-французской коалиции с австро-германо-турецкой. Такой расклад был не характерен для того момента, но редактор «Русского обозрения» блестяще смог предвидеть ситуацию четверть века спустя. Говоря о целях войны, он впервые отдельно упомянул русинский вопрос: «Австрия имеет скорее причины опасаться трех миллионов русинов в Восточной Галиции, которые могут навлечь на нее нападение России, чем желать увеличения своих владений» [38: 436].

В апреле 1891 г. Цертелев вторил Грингмуту, выдвигая тезис о ненужности России поддерживать зарубежных славян. Из контекста неясно, распространял ли он эту максиму на русинов или нет. Во всяком случае, осуждая панславизм и принцип передела границ по этническому принципу, обозреватель восклицал: «Неужели одного имени и более или менее сомнительных этнографических особенностей достаточно, чтобы перевесить единство, основанное на тождестве материальных, а в значительной степени и нравственных интересов?» [39: 895]

С весны 1891 до лета 1893 г. упоминания русинов вообще исчезают из «Русского обозрения». Две смены редакции журнала подряд в 1892 г. привели к корректировке его политической ориентации. «Современную летопись» стал вести новый редактор А.А. Александров – ученик К.Н. Леонтьева, скептически настроенного по отношению к галицким русинам. Поначалу Александров стал высказываться за мир между Россией и Австро-Венгрией [1: 414–415]. Лишь в июне 1893 г. он опубликовал статью закарпатского корреспондента под псевдонимом *Угро-Русс* о гонениях на русинов со стороны венгерских властей [32]. В том же номере журнала сам Александров отметил: «Венгры фанатически ненавидят Россию – которой вовсе не знают – и стараются изо всех сил смадьярить венгерских славян» [2: 881]. Но здесь же редактор делал оговорку, что не все мадьяры таковы, приводя в пример сочувственное к России письмо некоей дамы в загребской газете. Славянам «принадлежит будущее, и ничто не воспрепятствует их расцвету», – предрекала венгерка [2: 882].

Что касается статьи Угро-Русса, то она преследовала цель познакомить широкие круги русских читателей с положением в Закарпатье: «Чтобы почтенные читатели в России кое-какое понятие о том, какими способами и средствами мадьяры и их приверженцы из других народностей, как-то: немцы, евреи и пр., мадьяризуют живущих в Венгрии русских и вообще славян, сообщу здесь ряд неоспоримых фактов, почерпнутых мною из верных источников» [32: 634–635].

По оценкам автора, численность русских в Венгрии (380 тыс. чел. по переписи 1890 г.) была явно занижена и в действительности достигала 650 тыс. чел. Автор напоминал, что русские (он не употреблял слова «русины») – коренные жители Закарпатья, обитавшие там еще до прихода венгров в 889 г. и в XIV в. пополненные массовыми потоками мигрантов из Галицко-Волынской земли. В Мукачево в это время даже был русский князь – вассал венгерского короля, построивший там православный монастырь [32: 635–637]. На протяжении XIV–XVII вв. русины Венгрии наслаждались полным самоуправлением, отмечал автор, главным же источником проблем было насаждение латинского языка в качестве государственного и первые попытки католиков насильственно обратить православных в свою веру. В статье рассматривались русские православные мукачевские епископы в период героической борьбы с унией, длившейся полтора века вплоть до 1690 г. [32: 638–642].

С этих пор, по словам Угро-Русса, закарпатские русины были зажаты между австрийской католической латинизацией и венгерской протестантской мадьяризацией. Местное дворянство и духовенство к концу XVIII в. в основном забыло родной язык. Тем не менее русский язык (как ясно из цитируемых документов, представлявший собой смесь местного диалекта с церковнославянизмами) применялся при обучении в униатских семинариях, и именно униатское духовенство Закарпатья уже с начала XIX в. выступило против мадьяризации [32: 643–646]. Кроме Библии и униатского катехизиса, какой-либо другой литературы на русском языке в крае не было. Всю вину за искусственную поддержку венгерского языка с 1791 по 1848 г. Угро-Русс возлагал на австрийские власти. В таких условиях «национальное развитие русского народа в Венгрии совершенно прекратилось, и даже лучшими русскими людьми овладели национальный индифферентизм, робость и нерешительность, и никто из них не дерзал даже намекнуть мадьярам о своих национальных или политических правах» [32: 647]. Исключением был А.И. Добрянский, но и он был вынужден бежать в Галицию.

Подавление венгерской революции 1848–1849 гг. российскими войсками, по мнению Угро-Русса, спасло русинов от ассимиляции. С 1849 г. австрийские власти стали поощрять создание русских школ в Закарпатье, продвигать русинов на государственную службу. Добрянский стал жупаном четырех округов и сделал в них русский язык официальным. Униатские епископы и священники издавали буквари и учебники, в Ужгороде русский язык был введен в гимназии. При помощи галицких русинов в Закарпатье распространялись местные и привозные русские газеты: «Словом, русские в Венгрии вполне

пришли к своему национальному сознанию и начали совершенно новую, самостоятельную национальную жизнь, заявляя при всяком случае о своем существовании и о своих национальных правах» [32: 649]. В 1858–1859 гг. австрийские власти предприняли ряд репрессий против русинов, но с 1860 г. их права вновь были расширены. Русский язык стал официальным языком не только местного делопроизводства, но и униатской церкви; вскоре возникли два русских просветительских общества.

Новый этап борьбы начался с назначения мукачевским епископом в 1866 г. рьяного поборника мадьяризации Стефана Панковича, который стал вытеснять русинских лидеров из Закарпатья в другие регионы, а к 1871 г. с применением военной силы добился разгона сторонников Добрянского и захвата в свою пользу Общества св. Василия Великого [32: 651–653]. К церковной мадьяризации с 1867 г. добавилась и государственная. В Пряшевской епархии ситуация была несколько лучше, но в целом к началу 1890-х гг. русское движение в Закарпатье было подавлено: «Положение русской народности в Венгрии в настоящее время так печально, как оно никогда не было прежде. <...> Мадьярский язык сделался языком русского общества, его гостиной и даже семьи» [32: 654]. По словам Угро-Русса, запуганное население боялось читать русские книги, газеты, словари; во всем крае осталась лишь одна русская газета – «Листок» священника Е. Фенцика. «Русский же язык, которым говорит русский простой народ в Венгрии, представляет жалкую смесь с мадьярским, словацким и даже польским языками. Ввиду всего этого можно смело утверждать, что русская народность в Венгрии находится на положении совершенного разложения и уничтожения и что, если дела и впредь пойдут так, как они шли до сих пор, в непродолжительном времени *русская народность* совершенно исчезнет с лица “мадьярского глобуса”», – предостерегал автор, не предлагая никакого пути выхода [32: 655–656].

С июля 1893 г. «Современная летопись» была разделена на «Внутреннее обозрение» и «Иностранное обозрение», которое стал вести славянофил С.Ф. Шарапов. Уже в сентябре он отреагировал на острый кризис в Богемии и введение австрийским правительством Тааффе осадного положения в Праге. Чешский конфликт Шарапов рассматривал как шанс на примирение России с венграми: «Усмирять чехов, как мадьяр в 1848 году, Россия, наверное, не пойдет, а малейшее вмешательство Германии будет сигналом к общему взрыву в Венгрии, где уже и сейчас ведется весьма серьезная агитация, направленная против Тройственного союза и в пользу сближения венгров со славянами, Россией и Францией» [40: 430].

Таким образом, с июня – июля 1893 г. «Русское обозрение» сменило курс и начало публикацию специальных материалов о русинах. Вслед за рассмотренной выше статьей Угро-Русса свет увидела подробная биография духовного вождя галицких русинов – о. Иоанна Наумовича, написанная о. Иоанном Соловьевым [22]. Эта публикация была приурочена к двухлетней годовщине смерти Наумовича, но фактически была посвящена широкому спектру вопросов по текущей ситуации в Галиции.

Сорокалетняя просветительная работа И.Г. Наумовича в Галиции, а в 1886–1891 гг. – в Киеве, Петербурге, Москве и Новороссийске преподносилась о. Соловьевым как общерусское дело защиты «дедовской кирилло-мефодиевской веры», поднятия «нашего православно-русского самосознания» [22: 271–272]. Автор разделял обеспокоенность «Московских ведомостей» и «Киевского слова» о малоизвестности в России заслуг Наумовича, чья могила находилась в пренебрежении и разрушалась. Особый интерес в данном очерке, однако, представляют не разделы с биографией о. Наумовича, а общий обзор ситуации в Галиции с полонизацией и засильем иезуитов [22: 274–277]. Автор крайне скептически оценивал потенциал русского национального и православного самосознания в Галичине, указывая на польские и униатские симпатии местной интеллигенции. После 1860 г. положение галицких русинов стало отчаянным: «Все народности, входящие в состав австрийской монархии, при всей разрозненности своих взаимных интересов, единодушно сходятся в одном – в национально-религиозной вражде ко всему русско-православному» [22: 277]. Австрийская власть, по словам автора, в обмен на польские голоса в рейхсрате отдала галицких русских в рабство полякам и евреям. Обедневшие галичане эмигрировали, польские власти препятствовали деятельности их банка. Вопреки канонам униатской церкви, в нее насильно внедрялись латинские обряды и догматы.

Умонастроения большинства галицких крестьян о. Соловьев со слов Наумовича характеризовал как крайнее невежество и полное непонимание: «Что же касается национально-русского самосознания галичан и их умственного движения, то в этом отношении дело обстоит и совсем худо» [22: 279]. Он утверждал, что до 1848 г. галицкие крестьяне считали себя особой народностью, а не частью русского народа. Затем появились деятели русского движения, газета «Слово», журнал «Наука» и т. д., но к текущему моменту (1893 г.), по оценкам И.С. Соловьева, украинофильство в Галиции решительно преобладало над москвофильством. В этих тяжелых условиях о. Наумович и совершил свой подвиг, отрехшись после 1848 г. от увлечений польским

национализмом в пользу формирования в Галиции русской идентичности. Сблизившись с простым народом, издавая «народные календари» с советами по земледелию и пчеловодству и художественные повести о жизни сельского священника [22: 281–287], он исподволь внушал крестьянам неприязнь к немецкому правительству и польским панам и звал нищий и неграмотный народ на неравную борьбу с иноземной властью. «С 1848 г. засияла звезда свободы и нашлись во Львове люди, которые имели столько отваги в сердце, чтобы громко сказать, не боясь ни гвардии, ни польских насмешек: *тут наш древний Галич, тут наша Русская земля и мы Русский народ, а не польский*», – писал Наумович [22: 289]. Он начал проповеди «о кровном родстве галичан с Великою Россией и о несродности галичанам западной романской культуры» [22: 292]. Национальную борьбу Наумович не отделял от классовой: «Теперь произойдет борьба между могучим землевладельцем и бедным поселянином, между ученым адвокатом и темным хлебопашцем» [22: 289].

И.С. Соловьев впервые знакомил массового русского читателя с газетами и журналами Галицкой Руси, выходившими в 1860–1880-е гг. под редакцией о. Наумовича или с его участием, с написанным им повестями, рассказами, богословскими сочинениями в защиту православия [22: 781–791]; особое внимание при этом уделялось языку сочинений Наумовича на основе русского литературного языка с добавлением галицких диалектизмов. Также о. Соловьев дал очерк общественно-политической и церковной биографии Наумовича, отмечая невероятную популярность о. Иоанна в народе. Подчеркивалось, что поначалу он боролся лишь за восточный обряд в униатской церкви против латинизаторов, но поворотным моментом стало заключение лидера галицких русинов в тюрьму и его отлучение папой римским от церкви (1883 г.) и переход в православие (1885 г.) [22: 791–796]. В итоге император Александр III, киевский митрополит Платон, М.Н. Катков оценили по достоинству дела Наумовича, а министр финансов И.А. Вышнеградский выделил средства на галицко-русский банк. Последним делом русинского духовного вождя стало перенаправление потока эмиграции русинов с Бразилии на Кавказ [22: 799–800].

В сентябре 1893 г. серия публикаций о Галиции была продолжена анонимной статьей венского корреспондента [4]. В качестве эпиграфа к ней была приведена галицко-русская народная песня, обвиняющая в нищете края «цесарика» Франца-Иосифа и «жидов». В статье отмечалось новое явление: если в 1880-е гг. галицкие русины эмигрировали в Америку (22 тыс. чел.), то с лета 1892 г. они массово потянулись в Российскую империю (6 тыс. чел. с августа по октябрь из

Галиции и около 1 тыс. чел. из Буковины). Российские власти оказали им недружелюбный прием, но вернуться обратно крестьяне, объявленные в Австрии «изменниками», часто тоже не могли (вернулись 3 тыс. чел.). Тем не менее полякам в буковинском сейме пришлось пойти на уступки и ввести льготные условия кредита и аренды для русинских крестьян, а также привлекать их на строительстве дорог [4: 229]. Автор статьи отмечал, что многие крестьяне пускались в путь под влиянием фантастических слухов о благодатных краях и огромном количестве земель в русской Подолии. В действительности Россия не вела абсолютно никакой агитации в Галиции и Буковине в пользу переселения крестьян, но австрийские власти всё равно обвиняли ее в этом. Жертвами австрийских репрессий стали несколько крестьян, приговоренных к реальным срокам заключения за мнимое оскорбление Габсбургов и «возбуждение ненависти и презрения к правительству» [4: 230]. В частности, были арестованы редакторы галицко-русских газет Д. Козарищук и Г. Купченко, опубликовавшие письма покойного о. Наумовича.

Экономические причины невероятной нищеты в Буковине и Галиции автор статьи усматривал в грабительских, разорительных для крестьян условиях отмены крепостного права в 1848 г. Лишённые пастбищ, леса, большей части земли, обремененные невыносимым поземельным налогом и целым рядом других налогов, русины (особенно приграничных с Россией уездов) разорялись и эмигрировали. Имели место случаи дикого произвола и расправы со стороны полиции в городах. В итоге недобор налогов в Галиции были в три раза выше, чем в других австрийских провинциях (36 % против 12 %); то же самое повторялось в Буковине [4: 231–235]. К этому прибавлялись бедствия естественного характера: вырубка лесов привела к ухудшению климата и оскудению почв в тернопольском Подолье и коцманской Буковине, в то время как их население быстро росло, а его плотность к 1890 г. оказалась едва ли не самой высокой во всей Австрии. Это приводило к дроблению земельных участков на крошечные наделы (каждый третий – менее десятины), в то время как оплата за иные промыслы в силу большого предложения труда была нищенской [4: 235–240].

Публицист резюмировал: «Главными причинами, побуждающими галицко-русский народ выселяться в Россию, являются: малоземелье и раздробление поземельной собственности, затем отсутствие отхожих промыслов в крае и ничтожная плата за сельские работы и, наконец, непомерное возвышение налогов и несправедливое их взыскание» [4: 238]. К экономическим причинам автор статьи добавлял «нравственные»: польские гонения на униатов с целью обратить их

в латинский обряд; засилье евреев в администрации, суде, торговле, промышленности; рассказы земляков о хорошей жизни в России как стране с низкими налогами, с дешевым и справедливым судом; незаконное принуждение крестьян работать по воскресеньям и в церковные праздники; ложные слухи о передаче в России пустующих после эпидемии холеры земель русинам-иммигрантам [4: 238]. «Всё русское и православное» считается «непримиримым врагом Австро-Венгрии», сетовал публицист [4: 240]. Автор предлагал комплекс мер по улучшению ситуации: «Необходимо поднять благосостояние крестьянина, обеспечить его землей, ограничить разделы, дать ему заработок, оградить его от эксплуатации евреев, защитить от произвола помещиков, посессоров и чиновников. Русский крестьянин Галиции, хотя живет в стране, где по конституции все равноправны, терпит преследование за свой язык, за свое письмо, за свою веру православную» [4: 239].

Таким образом, с июня по сентябрь 1893 г. в «Русском обозрении» увидели свет целых пять работ по русинскому вопросу в Галиции, Буковине и Закарпатье. Лишь отчасти это можно объяснить падением 15-летнего режима Тааффе в Австрии, ключевой же причиной стала общая переориентация журнала в сторону позднего славянофильства. Эта тенденция продолжилась: в ноябре 1893 г. Шарапов обратил внимание своих читателей на глубокий безвыходный кризис управления в Цислейтании, который, по его мнению, еще при жизни его поколения завершится ее распадом. В Венгрии же причиной острых межнациональных конфликтов Шарапов объявлял евреев как якобы главных проповедников мадьяризации, вызывающей ненависть у всех подвластных народов [25: 492–493]. При этом обозреватель в различных номерах журнала одобрительно отзывался о «христианских и консервативных» венграх, в связи со смертью Л. Кошута одобрял восстание 1848 г. против Габсбургов и т. д. Именно поэтому венгерские гонения на закарпатских русинов для Шарапова было удобнее приписать евреям, а не самим венграм.

Напротив, вину за преследования галицких русинов Шарапов возлагал на австрийское правительство, поляков же считал колеблющимися. В мае 1894 г. публицист одобрительно отозвался об объединении всех галицко-русских депутатов в рейхсрате в одну фракцию, оппозиционную к кабинету Виндишгреца. Только теперь, четыре года спустя, «Русское обозрение» поведало своим читателям о событиях 1890 г., известных как сговор Романчука – Бадени. Однако ни одним словом Шарапов не обвинил в этом поляков (к которым вообще благоволил), считая причиной упомянутого сговора «австрийский иезуитизм и неурядицу» и представляя Романчука как жертву обмана

со стороны Вены, который теперь осознал свою ошибку, прозрел и объединил всех русинских депутатов: «Трудно себе представить, чем теперь Австрия обманет русский народ в Галиции» [26: 479]. Лишь в следующем выпуске журнала Шарапов всё-таки признал, что русские Галиции борются именно против ополячивания и в силу этого входят в число народов, которые разрушат Австро-Венгрию [27: 898]. Публицист резюмировал: «Про русских Галиции нечего и говорить. Никому Австрия не была так ненавистна, как несчастным червонорусам, прекрасная родина которых, позабытая в эпоху общеевропейской перекройки начала этого века, осталась вне великой единой Руси и подпала под самое худшее из господств: тройное господство поляков, евреев и Австрии» [27: 899]. «После долгой и мучительной борьбы галицкие русские кончили тем, что сплотились в одну политическую партию», целью которой является сокрушение Австрии и создание славянского союза, подчеркивал Шарапов.

Озвучивание подобных взглядов в «Русском обозрении» во времена Цертелева и Грингмута было невозможным: статьи Шарапова свидетельствовали об изменении позиции журнала по славянскому вопросу в целом (в том же выпуске Шарапов призывал даже к присоединению Сербии и Болгарии к России на правах автономий, что категорически отрицалось предыдущей редакцией) и галицко-русскому в частности. Эти претензии подкреплялись публикацией исторических исследований, как случилось с работой А.С. Павлова об истории попыток создания галицко-волынскими и литовскими князьями и польскими королями отдельных галицкой [18: 217–235] и киевской [18: 236–251] митрополий на протяжении всего XIV в. путем их откола от общерусской. Сейчас этот исторический сюжет достаточно известен и хорошо освещен в общих курсах церковной истории (например, у А.В. Карташёва), но для того времени статьи Павлова была новаторской.

Таким образом, «Русское обозрение» с середины 1893 до середины 1894 г. отличилось повышенным (по сравнению с «Русским вестником») вниманием к русинской теме, чтобы потом вновь надолго забыть о ней. В целом, однако, оба журнала в 1890–1894 гг. уделяли русинскому вопросу явно недостаточное внимание. Обращаясь к политике Австро-Венгрии, они чаще рассматривали чешский и польский вопросы, чем русинский; еще большим вниманием (хотя не всегда сочувствием) консерваторов пользовались сербы и болгары. В 1890 г. на страницах упомянутых журналов регулярно обсуждались финский и еврейский вопросы, в 1894 г. – прибалтийский и корейский, но по русинскому вопросу русские правые продолжали отделяться единичными фразами. Даже такие судьбоносные события, как

соглашение галицких поляков с украинофилами против русинского движения в ноябре 1890 г. («новая эра») и введение школьным советом Галиции украинского фонетического правописания в 1892 г., не были упомянуты «Русским вестником» и «Русским обозрением».

На фоне сотен страниц, которые эти журналы в данные годы посвящали Южной Америке, Китаю и Африке, единичность упоминаний русинов наводит на мысль о явной недооценке консерваторами критической значимости данного вопроса для целостности самой России. Между тем число русинов в 1890-е гг. можно оценить в 3 млн чел., и нежелание заниматься проблемами такой значительной части славянства и русского народа (в тогдашнем понимании) выглядит неестественным. Впрочем, тема украинофильского движения внутри России тоже консервативными журналами тогда не поднималась. Это свидетельствует о недостатке прогностического даже у С.С. Татищева, Д.Н. Цертелева, В.А. Грингмута, С.Ф. Шарапова. Допуская в целом возможность русско-австрийской войны, они не придавали такого стратегического значения карпатскому региону и русинскому вопросу, какое уже тогда было очевидным для В.И. Ламанского, А.А. Киреева и иных представителей Славянских благотворительных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Александров А.А.] Современная летопись // Русское обозрение. 1892. № 11. С. 414–419.
2. [Александров А.А.] Современная летопись // Русское обозрение. 1893. № 6. С. 872–884.
3. Бирюков С.В. Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // Русин. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11
4. Г*** Почему галицкие русские бегут из Австрии? (Письмо из Вены) // Русское обозрение. 1893. № 9. С. 228–240.
5. Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 207 с.
6. Золотарев Д.П. Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х – 90-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2004. 24 с.
7. Иванов А.А. Граф Владимир Бобринский и Второй Мармарош-Сигетский процесс: по материалам российской прессы // Русин. 2018. Т. 54, № 4. С. 145–168.
8. Ивашкин М.Л. Этнополитическая ситуация в Австрийской Галиции во второй половине XIX – начале XX в.: польский и русинский вопросы // История в подробностях. 2011. № 4 (10). С. 62–73.

9. *Клопова М.В.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 279 с.

10. *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. 263 с.

11. *Колмаков В.Б.* Проблема Галиции в русской консервативной публицистике начала XX века // Берегиня 777. Сова: общество, политика, экономика. 2012. № 1. С. 15–21.

12. *Медоваров М.В.* Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов (по материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов) // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 85–98. DOI: 10.24030/24092517/2020-0-3-85-98

13. *Медоваров М.В.* А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2013. 357 с.

14. *Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Раскол среди поздних славянофилов (1887–1897 гг.) и роль В.И. Ламанского в нем // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.

15. *Миллер А.И.* Галиция в системе австро-венгерского дуализма // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 63–70.

16. *Новости литературы* // Русский вестник. 1893. № 9. С. 309–321.

17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Дневник А.А. Киреева 1887–1894 гг.

18. *Павлов А.С.* О начале галицкой и литовской митрополий и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV в. // Русское обозрение. 1894. № 5. С. 214–251.

19. *Пашаева Н.М.* Очерки русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: ГПИБ, 2001. 201 с.

20. *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 2013. 570 с.

21. *Снежницкая С.И.* Регионы Евразийского материка в концепции В.И. Ламанского // Регионы мира в трудах молодых учёных: проблемы истории, культуры и политики. Вып. 2. Н. Новгород: ННГУ, 2020. С. 52–57.

22. *Соловьёв И.С., священник.* О. Иоанн Наумович (очерк его жизни и духовно-просветительской деятельности) // Русское обозрение. 1893. № 7. С. 270–293; № 8. С. 781–803.

23. *Стогов Д.И.* Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в. // Русин. 2022. № 67. С. 174–187. DOI: 10.17223/18572685/67/10

24. *Суляк С.Г.* Русинский и украинский вопросы накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2 (16). С. 96–119.

25. С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1893. № 11. С. 478–493.
26. С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 5. С. 474–479.
27. С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 6. С. 895–903.
28. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1890. № 1. С. 265–290.
29. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1891. № 1. С. 360–370.
30. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1891. № 5. С. 367–378.
31. Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1891. № 7. С. 376–385.
32. Угро-Русс. Латинизация и мадьяризация русских в Венгрии // Русское обозрение. 1893. № 6. С. 634–656.
33. Хевролина В.М. Внешнеполитические взгляды славянофилов в конце XIX в. // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 22–41.
34. Хевролина В.М. Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70-х – середина 90-х годов XIX в.) // Славянский вопрос: веки истории. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 90–106.
35. Хевролина В.М. Проблемы внешней политики России в общественной мысли страны // История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 302–343.
36. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1890. № 1. С. 357–388.
37. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1890. № 3. С. 390–417.
38. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1890. № 9. С. 426–450.
39. [Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение. 1891. № 4. С. 878–899.
40. Шарапов С.Ф. Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1893. № 9. С. 418–430.
41. Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.
42. Шульга М.А. Русинский вопрос и геополитические миры Владимира Ламанского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (36). С. 15–26.

REFERENCES

1. Aleksandrov, A.A. (1892) *Sovremennaya letopis'* [Modern Chronicle]. *Russkoe obozrenie*. 11. pp. 414–419.
2. Aleksandrov, A.A. (1893) *Sovremennaya letopis'* [Modern Chronicle]. *Russkoe obozrenie*. 6. pp. 872–884.
3. Biryukov, S.V. (2018) The Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusinian question. *Rusin*. 3(53). pp. 193–209 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11
4. G.*** (1893) *Pochemu galitskie russkie begut iz Avstrii?* (Pis'mo iz Veny) [Why Galician Russians are running away from Austria? (A Letter from Vienna)]. *Russkoe obozrenie*. 9. pp. 228–240.
5. Dyakov, V.A. (1993) *Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy zhizni dorevolutsionnoy Rossii* [Slavic Question in Social Life of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Nauka.
6. Zolotarev, D.P. (2004) *Pozdnee slavyanofil'stvo i ego rol' v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii 60-kh – 90kh gg. XIX veka* [Late Slavophilism and its Role in Russia's Social and Political Thought in 1860–1890s]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh: Voronezh State University.
7. Ivanov, A.A. (2018) Count Vladimir Bobrinsky and the second Marmaros-Sziget legal trial: Based on Russian press. *Rusin*. 4(54). pp. 145–168 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/9.
8. Ivashkin, M.L. (2011) *Etnopoliticheskaya situatsiya v Avstriyskoy Galitsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: pol'skiy i rusinskiy voprosy* [Ethnopolitical Situation in Austrian Galicia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Polish and Rusin Questions]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 4(10). pp. 62–73.
9. Klopova, M.V. (2016) *Rusiny, russkie, ukraintsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka* [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik.
10. Kolejka, J. (1964) *Slavyanskije programmy i ideya slavyanskoy solidarnosti v XIX i XX vekakh* [Slavic Programms and the Idea of Slavic Solidarity in the 19th and 20th Centuries]. Prague: Státní pedagogické nakladatelství.
11. Kolmakov, V.B. (2012) *Problema Galitsii v russkoy konservativnoy publitsistike nachala XX veka* [The Problem of Galicia in Russian Conservative Journalism in the Early 20th Century]. *Bereginya 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika*. 1. pp. 15–21.
12. Medovarov, M.V. (2020) *Geopoliticheskie kontseptsii russkikh konservatorov 1890-kh godov (po materialam zhurnala "Russkoe obozrenie" i ego opponentov)* [Geopolitical Concepts of Russian Conservatives in the 1890s (According to the Materials of Russkoe Obozrenie Journal and Its Opponents)]. *Tetrady po konservatizmu*. 3. pp. 85–98. DOI: 10.24030/24092517/2020-0-3-85-98

13. Medovarov, M.V. (2013) *A.A. Kireev v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [A.A. Kireev in Social and Political Life of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. History Cand. Diss. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

14. Medovarov, M.V., Snezhnitskaya, S.I. (2019) Raskol sredi pozdnykh slavyanofilov (1887–1897 gg.) i rol' V.I. Lamanskogo v nem [The Split Among the Late Slavophiles and Vladimir Lamansky's Role in It (1887–1897)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No. 5. pp. 38–47.

15. Miller, A.I. (1995) Galitsiya v sisteme avstro-vengerskogo dualizma [Galicia in the System of Austro-Hungarian Dualism]. *Avstro-Vengriya: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva*. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences. pp. 63–70.

16. Anon. (1893) Novosti literatury [Literature News]. *Russkiy vestnik*. 9. pp. 309–321.

17. Kireev, A.A. (n.d.) *A.A. Kireev's Diary. 1887–1894*. The Manuscript Section of Russian State Library (OR RGB). Fund 126. List 1. File 11.

18. Pavlov, A.S. (1894) O nachale galitskoy i litovskoy mitropolii i o perykh tamosnykh mitropolitakh po vizantiyskim dokumental'nym istochnikam XIV v. [On the beginning of Galician and Lithuanian Metropolises and on the first Metropolitans there according to Byzantine documental sources of the 14th century]. *Russkoe obozrenie*. 5. pp. 214–251.

19. Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays of Russian Movement in Galicia in the 19th – 20th Centuries]. Moscow: State Public Historical Library.

20. Popovkin, A.A. (2013) *Slavyanskije blagotvoritel'nye obshchestva v Moskve i Sankt-Peterburge (1858–1921 gg.)* [Slavic Charitable Societies in Moscow and St. Petersburg (1858–1921)]. History Cand. Diss. Voronezh: Voronezh State University.

21. Snezhnitskaya, S.I. (2020) Regiony Evraziyskogo materika v kontseptsii V.I. Lamanskogo [Regions of Eurasian Continent in V.I. Lamansky's Concept]. In: *Regiony mira v trudakh molodykh uchenykh: problemy istorii, kul'tury i politiki* [Regions of the World in the Works of Young Scientists: Problems of History, Culture and Politics]. Vol. 2. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. pp. 52–57.

22. Soloviev, I.S. (1893) O Ioann Naumovich (ocherk ego zhizni i dukhovno-prosvetitel'skoy deyatelnosti) [Revd. Ivan Naumovich (An Essay of His Life, Spiritual and Educational Activities)]. *Russkoe obozrenie*. 7. pp. 270–293; no. 8. pp. 781–803.

23. Stogov, D.I. (2022) The Rusin Agenda in the Works of Russian Conservatives of the Late 19th – Early 20th Centuries. *Rusin*. 67. pp. 174–187 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/67/10

24. Sulyak, S.G. (2009) Rusinskiy i ukrainskiy voprosy nakanune Pervoy mirovoy voyny [Rusin and Ukrainian Questions on the Eve of World War I]. *Rusini*. 2(16). pp. 96–119.

25. S.Sh. [Sharapov, S.F.] (1893) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 11. pp. 474–479.

26. S.Sh. [Sharapov, S.F.] (1894a) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 5. pp. 478–493.

27. S.Sh. [Sharapov, S.F.] (1894b) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 6. pp. 895–903.

28. Tatischev, S.S. (1890) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 265–290.

29. Tatischev, S.S. (1891a) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 360–370.

30. Tatischev, S.S. (1891b) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 5. pp. 367–378.

31. Tatischev, S.S. (1891c) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. *Russkiy vestnik*. 7. pp. 376–385.

32. Ugro-Russ. (1893). Latinizatsiya i mad'yarizatsiya russkikh v Vengrii [Latinization and Magyarization of Russians in Hungary]. *Russkoe obozrenie*. 6. pp. 634–656.

33. Khevroлина, V.M. (1998) Vneshnepoliticheskie vzglyady slavyanofilov v kontse XIX v. [Views of Slavophiles to foreign politics in the late 19th century]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History*. 2. pp. 22–41.

34. Khevroлина, V.M. (1997) Ideya slavyanskogo edinstva vo vneshnepoliticheskikh predstavleniyakh pozdnykh slavyanofilov (konets 70-kh – seredina 90-kh godov XIX v.) [Idea of Slavic Unity in the Foreign Policy Ideas of the Late Slavophiles (Late 1870s – Mid 1890s)]. In: Dostal, M.Yu. (ed.) *Slavyanskiy vopros: vekhi istorii* [The Slavic Question: Milestones of History]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences. pp. 90–106.

35. Khevroлина, V.M. (1999) Problemy vneshney politiki Rossii v obshchestvennoy mysli strany [Problems of Foreign Policy of Russia in Its Social Thought]. In: Khevroлина, V.M. (ed.) *Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka (ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza)* [History of Russia's foreign policy. The second half of the 19th century (from the Treaty of Paris in 1856 to the Russian-French alliance)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 302–343.

36. Tsertelev, D.N. (1890a) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 357–388.

37. Tsertelev, D.N. (1890b) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 3. pp. 390–417.

38. Tsertelev, D.N. (1890c) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 9. pp. 426–450.

39. Tsertelev, D.N. (1891) Sovremennaya letopis' [Current Review]. *Russkoe obozrenie*. 4. pp. 878–899.

40. Sharapov, S.F. (1893) Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Russkoe obozrenie*. 9. pp. 418–430.

41. Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Ruthenians in the 19th – First Half of 20th Centuries]. Moscow: Regnum.

42. Shulga, M.A. (2016) Rusinskiy vopros i geopoliticheskie miry Vladimira Lamanskogo [Ruthenian Question and Geopolitical Worlds of Vladimir Lamansky]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2(36). pp. 15–26.

Медоваров Максим Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Maxim V. Medovarov – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia).

E-mail: mmedovarov@yandex.ru